

ПАМЯТИ ГЕРОЕВ,
ОТСТОЯВШИХ СВОБОДУ
И НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ
В БОЯХ С ФАШИСТСКОЙ НЕЧИСТЬЮ,
БОРЬБЕ МОЛОДЕЖИ ВСЕХ СТРАН
ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА И ФАШИЗМА
ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ НОМЕР

№ 12 (1932) ИЮНЬ 1966

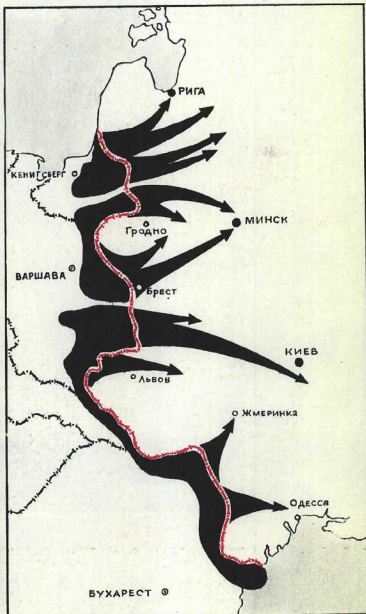
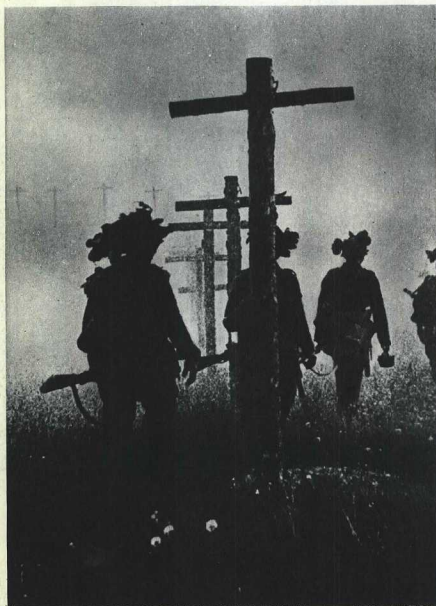
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

«Через месяц минет четверть века с того июньского дня, когда фашистская нечисть напала на нашу страну. За это время в жизнь пришло поколение, которое не помнит разрывов бомб, дыма пожаров, тягот военных лет. Наша страна живет в условиях мира. Но это не должно нас убаюкивать. Международный империализм был и остается коварным и опасным хищником. Это вновь продемонстрировала агрессия США во Вьетнаме».

Л. И. БРЕЖНЕВ. Речь на XV съезде ВЛКСМ

22 ИЮНЯ

дивительно и закономерно; чем дальше в глубь времен уходят события и даты Великой Отечественной войны, тем больше мы о ней думаем и узнаем. Открываются новые и новые факты и подробности, проступают из тьмы забвения имена и черты людей и подвигот.

Я замечую это и по сузатошному пульсу своей жизни. Вот письмо, пришедшее в день Победы:

«Пишет Вам пионер 7-а класса Понырской средней школы. Мы отрядом читали и выучили Вашу поэму о Понырях. Вы писали в поэме о беззубом офицере, который принял огонь на себя. Кто он!

Дело в том, что мы разыскиваем участника Отечественной войны и мы бы хотели знать биографию этого офицера. Вы нам, если сможете, то напишите о нем кратко, а мы по Вашим данным постараемся найти его. С пионерским приветом

7-а класс, станция Поныри, Курской обл.»

Мне очень трудно ответить мальчишкам и девочкам из Понырей, ведь не читать же им лекцию о собирательном образе. Я писал эту поэму тогда, когда Поныри находились в эпицентре Курской битвы, и много тогда видел безусых офицеров, которые принимали огонь на себя. А все-таки обидно, что под Киевом и под Берлином огонь не пощадил моих запасных клоунов: может быть, в них была и фамилия того беззубого офицера...

Развернулось по всей стране идеальное и благородное движение «красных следопытов», отражающее настоятельное требование эпохи — никто не забыт, ничто не забыто.

Бывают чудеса. И беззубого офицера все же находят. Увы, чудеса только потому и чудеса, что они исключительны, а не всеобщий. Герои матерей и ощущение сиротства неизбывны, время не способно их изгладить.

Некоторые публицисты и ораторы склонны осуждать первый послевоенный период как период забвения, чуть ли не злостного. Боюсь, что дело обстоит сложнее: в первые послевоенные годы людям порою было необходимо забыть войну для того, чтобы жить дальше, чтобы совершить подвиги восстановления. Некоторые мои товарищи были настолько отогорчены трагической памятью, что не смогли преодолеть некоего барьера, душой остались в полузасыпанных окопах. И это постепенно превращалось в новую трагедию.

Я говорю об этом в плане психологическом.

В те первые послевоенные годы семья, потерявшие близких и хранящие как последнюю надежду извещения из списках потерь не значитесь, пропал без вести, томе не хотели, не могли размыскивать могилы на поле боя. Им казалось: сейчас откроется дверь, выйдет любимый и долгожданный...

Но прошло четверть века с двадцать второго июня, и полное современное — двадцать один год — отраздиовала Победа.

По-видимому, необходимо было вырасти новому поколению, чтобы память о войне проступила с новой силой и стала не такой, как была, большой и гнетущей, приобрела новые черты.

Празднование двадцатилетия Победы было не всплывшим салютом, в эпоху, придавшим людям всех возрастов, всему народу новое сознание своего могущества и сплоченности.

Сейчас на конвейере истории большая дата — двадцатипятилетие начала Великой Отечественной.

Дата суровая, ее не встретишь карнавалом. Но отметить ее необходимо, и при всей ее драматичности она неизбежно и закономерно останется в вехе как начало победы над гитлеровским фашизмом.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

Год издания сорок третий

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

12
ИЮНЬ
1966

Выходит два раза в месяц

В этом величье двадцать второго июля.

На четвертый день войны на фронте, в полях, отступавших от окраин города Лытва. События пронислись близко перед глазами, проходили как бы сквозь меня. Постоянно менялись масштабы, и, вероятно, невозможно было охватить мыслью и взглядом всю картину. Потому я не могу претендовать на истинность и строгость и начека никакая другая историческая. Как очевидец, не претендую на широту своих раздумий и воспоминаний, пишу о сорок первом.

Мы откатывались на восток, медленно, вырощен с песней «Чужой землей мы не хотим ни пяди, но и своей вершины не отдадим». Хотел я хочу спеть, были и песни, но в песне она застала нас врасплох. Важнее вспомнить и рассказать о том, как вели себя советские люди, воспитанные в условиях свободы, в ощущении тождества своей личной судьбы и судьбы государства.

Подвиг затинили. Брестские герои известны. Но открывались во всех подробностях медленно и трудно, но уже давно был легендой. Я слышал о Брестском сопротивлении, о том, что Брест держится, еще тогда, в конце июля — начале июля 1941 года; слышал, что гарнизон сражается в глубочайшей изоляции. Без сомнения, ноле полком, но легендарно-прорада Брестского сопротивления — среди войск, отходивших по приказу, несмотря на хаотичное состояние связи (это было одной из причин многих трагедий).

Я был на другом участке фронта, не знал и не мог знать те подробности, которые превращают факт в переживание и стик. Но так же, как и многие мои товарищи поэты-фронтовики, я писал в ту пору о вере в Победу, ни одним словом, ни одной буквой не вриая душу и отчетливо сознавая, что выражаю главную мысль большинства, главное ощущение современников и глубоких заветов народа. Это было ощущение.

Вновь переливчато пожелтевшие страницы стихов, написанных тогда многими поэтами. Можете мне поверить, други, спрятанных, не подлежащих опубликованию, не во времена рождавшихся стихов не было — только мужество, верность и вера. Положение было отчаянным, но не было отчаяния. Сильный дух и горь отступления в легкие пробивался местной воздуха Победы — легенда о несдающемся Бресте и смутные восторги о пограничных заставах, погибавших полностью, но задерживавших продвижение гитлеровских войск, пока хотя один пограничник еще дышал. О Бресте: Гастелло — ведь первые дни войны. Пусть простят нам, молодым людям тех лет, сегодняшние молодое: мы тогда не удивлялись, что Гастелло превратил себя в штырь, нам это казалось естественным. Беззаветность Гастелло не имела ничего общего с тупым безумством опьянен снамиловыми, приносящими пулеметы (как их видели в конце тридцатых годов на Дальнем Востоке). Уж потом было сформулировано в стихах, песнях и приказах: «Жизнь, отданная Родине...» — в момент наведения фашистов это был мигуль, рефлекс, мгновенная реакция. Так ведь признавать факт, когда к нему неожиданно и стремительно приближалась опасность.

Речь идет не о физиологии: рефлекс был выработан нашей советской жизнью, а ей тогда исполнилось двадцать три года. Это очень небольшой срок, но он оказался досточным для того, чтобы создать советский характер, чтобы сознание в нас стало отдельной выносею случая героизма стали чертой тысяч и миллионов личностей.

Я не включю в этот разговор государственные и стратегические аспекты наших поражений лета 1941 года. В продвигавшие годы было совершенно немало военных успехов, сдерживавших продвижение фашистов. Гитлеровская армия была в ту пору сильнейшей. Вся Европа служила дорожкой, по которой раскатился фашизм, расщепившая стремительно ринулась на мир социализма, заступила его врасслох и раздвинула. Уж теперь, стави известные факты, доминируют из архивов вермахта: удивление, изумление, гнетение вымучен в бояхх донесениях из наступающих частей — русские дерутся, как львы.

А я вспоминаю, как в последних числах июля 1941 года на том участке фронта, где я находился, был перевешан секретный приказ фельдмаршала фон Бока по 6-й армии. [Туда она наладил, та армия: до самого Сталинграда а все время оказывалась в полусе не наступления. В Сталинграде эта армия была взята в окружение и полностью разгромлена. Не сжорую, очень радовался я, встречая на бортах взрослых в грязь и снег грузиков, знакомых знакомых друзей, знакомых друзей, знакомых друзей.]
Фон Бока констатировал: некоторые офицеры при нападении русских бегут, теряя обмундирование, — и требовал, чтобы доблестные солдаты фюрера не теряли штаны.

Сколько я видел маленьких Брестов! Не заставя и на линии старой границы [до 1921 года] фашисты оказались на огнеметными струями либо применяя отвращающее вещество душить одиночных красноармейцев, продолжавших биться до последней пяди.

В начале июля я попал в танковую бригаду, сохранившую попоныную часть техники, встретился с командиром, воевавшим в Испанию. Каким даг отступления, причём так ужасные страдания. Поном командира бригады — он был одноклассником великого поэта России. И вот отступающая бригада, терпящая танки под бомбежками, получила приказ отступить и разгромить егерский полк, оставившийся на высотах. Фашисты вели упорный бой, но в итоге наши танкисты оказались на высотах. Врагу был учинен полный разгром. Хаотическую картину разнесенного в клочья егерского полка я видел тогда, в июле сорок первого, впервые, но потом, в Сталинграде, под Курском, в Белоруссии, в Польше, в Берлине, память вновь и вновь возвращалась к той же ужасе, так бывало и в самые тяжёлые для нас периоды войны.

К тому воспоминанию хочу прибавить еще одно. В августе 1941 года я оказался в глубоком тылу фашистских войск, дошедших до Днепра, — за Винницей, на хуторе Алексеевка. Раненый и обессиленный, я прихорю в себя на усталом, пошатнувшись, оказался на высоте. Я добьёлся — что в она не было видно постороннего. К Вербиным заходили одобривать, я слушал их приглушенные, тревожные разговоры: — Пока фашисты здесь... Когда придут наши... Временно оккупированная территория... Только дождаться... Эти люди жили «под немцами», не читая газет, не слушая радио, но

говорили и дуалили то же самое, что прочел я потом в газетах, когда вышел к своим.

К своим! Так назывался переход линии фронта, выход из тыла, но и в тылу я был в своих. И, провозная линия на восток, они ушли, оставив в тылу. Эти восторги состояли из естественного, само собой разумеющегося, поскольку солдат остался жив.

История неумолима. Груды, а может быть, и бесплодные рассуждения о том, как было бы иначе, если бы было иначе. Ничего не поделаешь, было именно так, как было, но мы пришли к Победе через огромные потери и кровавую борьбу до самой Волги.

Но и в нашем несчастье величественно и прекрасно мужество народа, его верность советскому коммунистическому.

Двадцать второго июля 1941 года в решающем подвиге встретились не только армии, а два мира, две идеологии, две системы, две судьбы человечества.

Я говорю уже о двадцати трех годах Советской власти, о том, какие идеи, качества, привычки и рефлексии выработала она в своих soldiers. Нельзя не учесть, что до основания страны существовала фашистская Германия, высказанная нам в письме к Герцену 6 февраля 1846 года:

«Причины успехов в жизни мерзавцев: они поступают с честными людьми, как с мерзавцами, а честные люди за это поступают с мерзавцами, как с людьми, которые словно во сто раз честнее их, честных людей».

Сказанное по другому поводу и в иные времена, это очень соответствующее международному положению предревной поры и было для меня немалым внутренним объяснением успехов немецко-фашистской армии.

Мы перестраивались медленно и трудно. Конечно, мы не могли отвлечь внимание от подготовки, направили в себе много, благородные силы для того, чтобы отстоять завоевания Октября и будущее человечества. Я знаю, кое-кому из читателей эти слова покажутся слишком возвышенным, но они полностью соответствуют душевному состоянию и унастроению, необходимому для глубокого понимания и осознания этого.

«Причины чужды и отталкивающие пополнения некоторых писателей и историков возразить 1941 год как период паралича духа советского народа. Это неправда. Быть может, мы были не столько не подготовлены к войне, сколько не подготовлены к отступлению: тот защитники товлены к войне, сколько не подготовлены к отступлению, тот защитники товлены к войне, сколько не подготовлены к отступлению, что можно уйти из крепости, оставить ее».

Сейчас отбрасывают новые и новые героические страницы сорок первого года: Липява, Перемышль. Нельзя забывать о том, что уже летал тотальное подпольное сопротивление. Наконец, говорят о сорок первом, но надо перенести их в какое другое время битву и победу под Москвой.

Недавно журнал «Новый мир» опубликовал статью В. Кардина, которую я не могу расценить иначе, как попытку дегероизации истории нашего советского общества.

Какое-то подлага 28 герондцев-панфиловцев. В Кардина на том основании, что несколько участников этого бесприморного подвига были награждены посмертно, а потом оказались живыми, таятся признать правду-легенду о двадцати восьмь.

А мне видится продолжение этой истории и то, насколько посмертно награжденных героев можно лишь возмечением подвига двадцати восьмь панфиловцев. И странно, что в числе Борца с легендами выступает писатель В. Кардин, фронтовики, преобладавший в партизанском отряде, где был Семен Гудзенко, братья Званисские, испанские антифашисты, Лодко и неформальный юлда В. Кардина один раз ставил легенды советского народа и небылицы, сомнительные или явно развратом на Западе, рассматривает их, так сказать, в одном плане. Я беру на себя смелость утверждать, что легенды о подвигах советских людей в Великой Отечественной войне содержат истинные факты, истинные события, истинные факты. Иначе и не может говорить о подвигах, чем было на самом деле. Это отразилось в особой форме черт характера советского человека, его воспитание, выработавшиеся в труде и борьбе рефлексии.

Нет, 1941 год нельзя отдавать в качестве материала для дегероизации, на которую оказывали тогда некоторые силы души и скатывания ума. Непослуда и утверждения иных литературоведов о том, что литература, создававшаяся в гуще событий 1941 года, была склонна к лапкоризму, замалчиванию трудностей, оболуду острых ситуаций. Вспомните «Народ бесстрашен» Василия Гроссмана, «Фронт» Василия Васильевского, «Март» — аг «Фронт» Александра Корнейчука, стихи Алексея Недогонова, Семена Гудзенко, Николая Тихонова, Алексея Суркова, Микола Банаха, Аркадия Кушового, Тафруа Гулява, Александра Уткина. Как всякое перечисление, это перечисление не полное.

Мы были трубочками и барабаничками. Трубы и барабаны звучат, и когда полки подымались в атаку и когда горсть земли падают в снежное море погибших товарищей. Неправедливо и непропорционально противопоставление проведённый литературы, составных сегодня, через четвёрть столетия события, так произведенными, которые создавались в боевой обстановке в самое трудное время.

Двадцать второе июля 1941 года оказалась дата, чрезвычайно важной в истории человечества, а в истории нашей страны она оказалась началом нашей героической победы.
Принимая на себя главный удар устроившего всему человечеству фашизма, мы насили в себе силы повернуть ход войны, пойти до Берлина. В ре-

зультате войны и разгрома фашизма родились новые свободные и демократические государства, успешно строящие социализм. Наша победа как бы предупредила все темные силы, которые есть на земном шаре,— агрессия не остается безнаказанной, правда и справедливость сильнее лжи и разбоя.

Но обстановка в мире такова, что ни в коем случае нельзя забывать уроков 1941 года, уроков истории вообще. Неутраченной болью отзвывается в наших сердцах Вьетнам. Времена иные, ситуация иная, но есть черты схожести с нашим сорок первым годом: героизм народа, защищающего и отстаивающего свою свободу и независимость, и бесстыдная, нечеловеческая жестокость агрессоров. И так же, как и у гитлеровских фашистов тогда, у американских агрессоров сегодня нет и не может быть героев и героиня — только грязь и подлость, грабеж и убийство.

Гитлеровский фашизм был разгромлен и развален в мае 1945 года, но бациллы фашизма живучи, и сейчас присутствуют они в атмосфере планеты.

Я только что вернулся из весеннего Парижа с его цветущими каштанами и цветущимися влюбленными. Я видел битву стен, битву надписей. На постаменте памятника Марату размазанная надпись: «Мир Вьетнаму!». Такие надписи можно встретить в Париже на многих стенах.

Но вот мы поднимаемся в лифте в одно из учреждений, где нам надлежит оформить дела с визами. Аккуратный, бесшумный лифт, белые его двери гладко покрашены эмалевой краской. По краске тонкой линией — сразу не разглядишь! — выцарапана свастика с надписью «ОАС».

Значит, едешь в этом лифте какая-то пританцовывая сволочь, трусливой урюк, а все же надрапала свои зловащие инициалы.

Рано успокаиваться, рано благодушествовать!

Тревожные вестки приходят из-за Эфиопии, доносятся из-за океана. Реваншисты хотят воспитать из молодых людей Западной Германии волчат, беспрепятственно подкулачивают их против Германской Демократической Республики, против стран социализма. Есть круги людей, настолько ослепленных яростью, что не способны они ни взглянуть в прошлое, ни трезво посмотреть в будущее. Хорошо, что народы обладают более глубокой памятью, чем варвары и идиоты. Движение сторонников мира стало реальной и могучей силой на земном шаре. Я не раз имел возможность в этом убедиться, путешествуя по многим странам, беседами с людьми разных профессий, возрастов и разного положения, различных взглядов.

Минимум трезвости достаточен для того, чтобы понять необходимость мирного сосуществования в современных условиях.

Ну, а мы, советские люди, забудем ли мы когда-нибудь двадцать второе июня 1941 года!

Никогда! Мы не имеем на это права ни перед памятью павших, ни перед современниками, ни перед потомками. Наш оптимизм, помогший нам преодолеть тяжелейшие поражения и потери, не может быть легким и бездумным. Он выстрадан, он оплачен кровью, и ему надлежит быть всегда суровым и пристальным.

С этим ощущением встречаем мы строгую дату: двадцать второе июня. Самая короткая ночь в году...

**Николай
ПАНЧЕНКО**

Моему комсомольскому билету

Так случилось, что не сдавал свой билет: по фронту мотался. Жизнь четвертый берет перевал, а билет у меня остался как реликвия — флаг полка, над которым восходят звезды, как протянутая рука сквозь невзгоды, фронты и версты. Пугчелазых тридцатых лет на меня заглядывал фото. Как топить, но это что-то — этих глаз напряженный свет.

В первом бою

Нет, не дипломы, не годе, не встреча с женщиной на Грубной...

Нет, юность кончилась тогда, когда я понял: с мамой трудно.

В бою...
Под тенью вражеских крыл...
Над нами смертью висли «рамы»...
Я вдруг подумал, как открыл: мне хорошо — в бою без мамы...

Кочет

Я всего лишь услыш — на усол. Но у Стрима, у самого стряя кто-то кинул солдата в висок и запел, и захлопали крылья. Это — кочет. С помоек и кочек много ль видят глаза-калачи! Корчи кошек на крышах и кончики над платнея, городской кавамч. А за мной — города, города в три ряда, как солдаты на марше. Машут руки, и движутся нам, и в полнеба пылают звезды!

Я еще ничего не успел, а меня уш и кочет отдал. Вспомнул гребень и выплучи зоб, точит луну и таргачится в оба.

Я всего лишь услыш — не усол: мы еще разохчелся до гроба!

**Борис
СЛУЧИЙ**

Женщины проводили мужчин: все женщины — все мужчины, а после сами пошли на защиту родной земли.

А что ж им делать, как им быть, если надо прикрыть фронт! Этого невозможно забыть — женских полков и рот.

И вот связистки ткнули связь через кровь и грязь, а санитарки давали кровь, артистки — играли роль.

И вот партизаны ходили в тыл, а на перекрестке стая регулировщиц — с большой косой и с большой душой.

Женщины внесли свой вклад в судьбы этой войны. Об этом самым лучшим доклад докладыванию сделать должны.

Высоченный,
словно высоченный из высоты,
словно Петру Великий — высокий, шая солдат, и гудели под мои мосты, полз солдат в гуделий осок.

Из трашеи, которые он отгравал, голова всегда вытравлял. Кашевар не снимал с его шей навар, но солдату казалось: мало.

Не хватало конвертов ему: писать письма родственникам и знакомым. Не хватало народов ему: спасать, а потом помогать спасенным.

Миня, ты, что он в полях заложил, он своими же вырал руками, а дорог, те, что он пропихнул, еще стонут под грузовиками.

Он девятую мю пораньше встал, принятии ордена, а медали приколол и за пивом в очередь встал. Вспоминает года и дали, вспоминает бои в родной стороне и бои на чужой планете. Догадываюсь,

как победить на войне, понимает он все на свете.

Это изболели маршал и рядовой: пленных не обжалов, даже на передовой.

Не отвечали за Гиммлера вашим пленяги зря и за то, что вымерли наши у вас лагеря.

Я не сказку сказываю, точно вам говорю: камеры ваши

газовые не чета схауро черному, что уделили пленным им из пайка. Нет, не переводили с немецкого языка.

В той людской маскрубке каждый из нас примас: вы для нас — душевные, мы — шовсебойни для вас.

Формулу эту простую а с войны берути. За каждую запятуго в ней отвечать могу.

**Алексей
ЛЕОНТЬЕВ**

Бранденбургские ворота

Высокий пушечный лафет. И Бранденбургские ворота. Читай стихи! Читай, поэт! Остановилась третья рота. Весь полк стоит. И вперед! сам генерал поставил «виллисы». И все, кто иммо проходил, вокруг лафета становились... Как он читал! И сам себе не отыскал бы он равняю! Бойцы забыли про обед, и про усталость, и ранения. Потом качали. И поэт успел взглянуть во время взлета: вистул был малевальей лафет, и Бранденбургские ворота!

1945 год

Мы убивали. И штяки о землио вытравляи. А летом ночи коротки, и кодузу свежоня на привале. Как хорошо от этих звезд, от каждой травки под ногами! Ведь скоро третей сезонос — как мы от дома отыскаеи! Как на пути и передовой еще от страха сердце силасею, а после первой штяношвой уснуть никак не удавалася!. Но стоиет русская земля в огие неслышанной тревоги. Врагов убитьи в штабеля сложили мы, убрав с дороги. Не к милосердию взымать, когда они за все в ответе, они учили убивать, а мы учили жить на свете!

1943 год.

**Ашот
ГРАЩИ**

Молча цветы цветут на весенних полях. И соловым поют, и жаворонки зярят. Голуби ищут зерно на месте бываых плевниц. Голубы все равно — поели и напхисы... Железо. Огонь. Золв.

И самолета вой, — все прозбавля змалв, все заросло травой. Но я не трава и не зверь. Я рад приходу весны, но помню мору потопя, помню запах войны.

Перевел Станислав КУНЯЕВ

Григорий
КУРЕНЕВ

Арбуз (ОСЕНЬ 1939 года)

Я он арбуз.
Не горюлесь.
Степеню.
Из той еды
события

не делая...
А было так,
Мы жили на степендюю,
которой нам хватало
на неделю.

Тогда мы
воробьиными ночами
зубрили
интегралы и ряды,
увешкавши лавочки
значками,

готовые —
по зову! —
стать в ряды.
От молодости,
от недосыпания
худые,

знали мы:
нас дело ждет!
Ведь в объективе у нас
Испания,
еще не побежденная,
живет.

Еще она
надеется
на чудо,
еще она
полагалась

тут ночует,
планшет с Мадридом
спрятав в головух.
А мы —
мы тоже

даже кожей
чуем,
что скоро нам
в свои вступать права.

Мы чуем,
чуем:
где-то радом,
близко,
хоть все еще приметны
не выданы.

А старшекурсники
змой
падут
на финской —
жесточай
репетиция войны.

До той змыи,
до той войны
еще погода.

А в Харькове —
арбузная погода.
Стоит не осень,
а деньки
почти что летние,
и по утрам
мы ходим
не на лежцы.

Всей комнатой —
хохлы,
испанцы,
русские —
с утра пораньше
мы уходим
в грузчики.

Поденщиков
веселая бригада,
мы кажемся себе
интербригадой.
И, ставши от вагона
и складу
цепью,

мы
словно бы огонь
ведем
по целям.
Зарядами
снарядами
и минами

нам кажутся
арбузы эти мирные.
Они плывут,
как ведра
на поваре,
а мы,

они плывут
планетамы,
пожалуй,
а мы,
также ловкие,
горластые,

швыраем
полосатые
галактики.
Мы сами
рассчитали их орбиты.

А поздним вечером —
конец работы.
И мы спешим
не к девчачкам на танцы,
а в «Пиво-воды»
возле самой станции.
И спрысываем
денежки арбузные
на кружки заповестных
и мелких бусинок.

Пьем медвяно,
как грузчики
всаделившиеся,
ведь мы теперь —
до завтра! —
очень денежные...
На танцплощадке
саксофон беснуется,
а нас
подкараулила
бессонница,

и в комнате
[дремать/дремать узких коек]
хлещет
этой ночью
тишину
не колот.

Усталости
не в силах покориться,
мы дралем
чуткой армией
полнонощцев,
что нам еще
до подвогов великих
таскать-таскать
арбузные вогорги.

О если бы мы нас,
тогдашних
арбузамы плывут
планеты
по небу...

Ах, довоенный тот арбуз,
зеленая планета.
А я
ответить не берусь,
когда я
стал поэтом.

Вл. Луговскому

Пьют друзья
зеленое вино,
а тебе,
солдат,
не суддено.
Ты остался
в поле,
за Двиной,
напоенная
допьяна
войной.
Старый друг
дороже новых двух,
да судьбу берешь
из третьих рук.
Пьют друзья
зеленое вино —
я со всеми
выпил заодно.
Вот кому-то
налили штрафную,
замельшиве мушкет
равнуют,
только за один
среди друзей
пью

за двух
и трагично трезвей.
Выпью,
хлурюсь,
комкая салфетку, —
вспоминаю
плаху
разведку.
Сотую
мочало
папиросу.
Вино,
что сейчас
покудт распрощусь.
Старый
мль новые
друзья,
— радость людям
отравлять нельзя.
Подыманось,
как в атаку,
в рост.
Предлагаю
тост.

Борис
ДУБРОВНИК

Конфедератка

В душе нестертый, величавый
Сорок Четвертый... Я — пилот,
Навяс над Вислой, над Варшавой
Заканчиваю разворот.

Раскрыты створки бомболюков,
Миг — и фугасы засвистят,
Но в нас, как огненная вьюга,
Землетряс угодил снаряд.

И, как со смертного уступа,
Стропуно парашют примяя,
Простреленный сияющая купол,
Нисверзает к Висле я стремглав.

Еще скорее! За овраем!
Нет, мимо! И мутному песку!
И пусть разбьется, но на нашем,
Чем жить на вражьем берегу.

Я в Висле. Ранен. Сказки стропы,
Не выбирать уже никак.
Я обречен...
Но из окопа
Ко мне бросается полка.

Рука его мгновенно виснет,
В нее ножом осколок врос.

Он на границе смерти к жизни
Меня, покачиваясь, нес.

И тело, чувствую, обмякло,
Уже не различаю я,
Где кровь моя, где кровь полка,
Где боль его, где боль моя...

А он идет, ступает шагню,
Близки береговые рым.
Но падает конфедератка
Вслед за плотной с головами...

И снится мне,
Как будто гордо
Она ушел который год
С пылочною

Свюзь смь, свюзь годы,
Свюзь смерть,
Свюзь жизнь мою
Плывет.

В канцелярии заставы

Доклада отчетная фразы
И к карте мира подступила в упор,
Вошел за получением приказа
Он перед тем, как выступить в десор.

И замолчал солдат вооруженный
[У канцелярши показан деле!]
И на Европу тынь от канцона
И тень от плеч на Африку легла.

А плащ-палатка так ширококрыла —
Ее отбросил за спину, назад,
И Южную Америку прирыла
Тынь от руки, сияющей приклад.

Сейчас он в ночь глухую зашагает,
Захлопнет дверь. Порвется спастись нить.
Не карте ни на что не полагает,
Хоть Землю всю
Собой готов прикрыть.

ПАТРИОТАМИ БЫТЬ ОБЯЗАНЫ

В ДНИ, КОГДА ГОТОВИЛСЯ
ЭТОТ НОМЕР,
В МОСКВЕ РАБОТАЛ
XV СЪЕЗД ВЛКСМ.
СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ «СМЕНЫ»
ПОПРОСИЛИ НЕКОЛЬКИХ ДЕЛЕГАТОВ СЪЕЗДА
ПОДЕЛИТЬСЯ СВОИМИ СООБРАЖЕНИЯМИ
О ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ НА РЕВОЛЮЦИОННЫХ,
БОЕВЫХ,
ТРУДОВЫХ ТРАДИЦИЯХ
СОВЕТСКОГО НАРОДА.
ВЕДЕТЬ ЭТИМ ВОПРОСАМ
СЪЕЗД УДЕЛИЛ НЕМАЛО ВНИМАНИЯ.
ЕСТЕСТВЕННО, ЧТО, ОТВЕЧАЯ НА ВОПРОСЫ
НАШИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ,
ДЕЛЕГАТЫ ГОВОРИЛИ И О ТОМ,
ЧТО БЫЛО ГЕНЕРАЛЬНОЙ ТЕМОЙ
КОМСОМЛЬСКОГО ФОРУМА: О МЕСТЕ МОЛОДЕЖИ
В ВЫПОЛНЕНИИ РЕШЕНИЙ
XXIII СЪЕЗДА КПСС.

Арсен ВАНИЦКИЙ,
секретарь ЦК ЛКСМ
Белоруссии

Мы видим свою основную задачу в том, чтобы бесценный опыт борьбы старших поколений за коммунизм был неисчерпаемым источником идейной убежденности, патриотизма, гражданственности молодого поколения.

Мы прекрасно понимаем, что нынешним мальчишкам и девчонкам продолжать великое дело построения коммунизма, а если угодно, — защищать его, ведь мы не гарантированы от того, что ко-кому из врагов нашего строя еще захочется проверить советскую оборонную мощь. И для того, чтобы в грозный час могли встать сотни тысяч Гастелло, Смолчковых, Заслоновых, Горозцов и многих-многих других героев, мы обязаны вести самую тщательную борьбу за умы и сердца тех, кто сегодня вступает в жизнь. С раннего возраста ребенок должен осознать, почему вчерашний батрак встал в руки винтовку и сбросил старую власть, понять величие и смысл подвига Матросова. Мы должны воспитать его так, чтобы ему хотелось быть похожим на незабываемых народом геро-

ев, повторить, а если надо и возмечтать ратные дела своего народа. Особое внимание уделять школьникам. В школах, на мой взгляд, должна вестись основная военно-патриотическая работа.

Нам кажется, что залог успеха в воспитании идейной убежденности, советского патриотизма лежит в творческом, осмысленном подходе к самой этой задаче. Одним разговорами о патриотизме не добиться воспитательного воздействия. Нужно, чтобы молодежь была в постоянном самостоятельном поиске: встречалась, беседовала с учителями Великой Отечественной войны, по крупицам исследовала малоизвестные факты героизма, собирала документы, находила боевые реликвии, восстанавливала партизанские замки, превращая их в своеобразные музеи-памятники.

Подобные дела выражают собственные стремления ребят. Мне хочется привести характерный случай.

На одной из улиц Минска на постаменте стоит танк Героя Советского Союза капитана Фролкина. Эта стальная машина первой ворвалась в белорусскую столицу, круша немецко-фашистских захватчиков. В один из праздничных дней около танка прогуливался подросток лет десяти. Не раз он обошел вокруг, восторженно рассматривая танк. А потом, достав из кармана трипту, взобрался на постамент и начал протирать потускневший металл. Установить имя пареня не удалось, да и не в этом суть дела. Такой перенатант не одну книгу с минушей войной, такому наверняка захочется быть похожим на тех, кто первым принес в Минск долгожданную победу.

После VIII пленума Центрального Комитета ВЛКСМ мы уселили работу по воспитанию молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа.

Мы определили три основных направления. Первое — это достижение идейной убежденности, преданности идеям марксизма-ленинизма. Второе — раскрытие и яркий показ героизма нашего народа, коммунист на всех этапах строительства Советского государства. Третье — подготовка волевых, физически крепких людей, патриотов Родины.

К нам на помощь в этом благородном деле приходит тысячи различных специалистов. Большой вклад вносит творческая интеллигенция. Достаточно сказать, что за последние три года мастеров-художественников, преданных идеям марксизма-ленинизма. Второе — раскрытие и яркий показ героизма нашего народа, коммунист на всех этапах строительства Советского государства. Третье — подготовка волевых, физически крепких людей, патриотов Родины.

9 мая нынешнего года, в день праздника Победы, по всей республике началось закладка символических курганов Бессмертия. Например, в городе Лида на закладку вышито все его иголки. К подножию кургана доставили землю не только из всех героических районов Белоруссии, но и из всех городов-героев нашей Родины. Думается, что это хороший способ формирования чувства военно-патриотического долга. Но, разумеется, нам предстоит еще немало найти и применить действенных форм воспитания молодежи на боевых традициях. Впереди много работы. Мы уверены, что воспитаем нашу молодежь в духе беззаветной преданности Родине, коммунизму.

Аля наместова, потом что-то натворил и уже на третий день службж топаа через весь аляр на гутрату, весь на себе похосый метр. У нас не тобу хоадыа со своим метранием. Когда его разжосава, выскочил, а по профессии он телеграфист и даже знает ашарат Бодо. А в полку как раз не было начальника военно-телеграфной станции. Назначили Ваську, хотя он был сержантом, а должность офицерская. По должности ему выдали кобур, но пистолета по закону должно не было. И Васька полтора месяца хоадыа с кировой кобурой, в которой лежала муська. А потом началась война, и он добился назначения в полковую разведку. Мы распроцадись с Зиничко на целых две недели. Когда он вернулся, за ним приползла сапка. Говорил, что его командиром оказался хитрец лейтенант, с которым Васька пичиваю аадыа. А будто однажды они знали сразу трех языков, одного садыа в штаб, а двух припрятали. И недалеко жияи, как на курорте. Пошлал их на задание, а они в лес дадут кургала до своей землянки и — спать. Спросили, отприват в штаб одного из припрятанных — и слова кургата. Не отпору неадыа Васька, конечно, «ссозо» прерваа. Он никому не сказа ни слова, а просто ладыа лейтенанту морду. Тот — в госпиталь, а Ваську хотели в штафбат. Но тут вмешался капитан Белоусов. Так Васька попал в наш расчет. И при первой же встрече Батя ему сказа: «Ну, ми, хохлеви, прачивайка к берегу, хватит плавать».

И Васька прачиваа. Он здорово танцевал четукту, даже достаа доски для нашей землянки, чтобы получалась стук. Он танцевала четукту и гел в нос: «Синеньки, скромный платочек падала с опущенных плеч...» А достать он мог не только доску. Все мог достать. Второго немца, такюа, как Зиничко, и в своей жизни не видал. В жару он мог пританцевать кусок адыа, в самый сильный голод — курицу, а когда мы погубили от ишей, пританцаа ящик мыла. Правда, странного, в каждом куске, строго посередине, была дырка. Оказалась — там Васька перетанцаа ящик. Помню, капитан Белоусов однажды пожаловался, что у нас не хватает одного орудия, а пританцаа только через неделю. Мы тут же увидели, как Васькино апыр приняло «работящее» выражение, и капитан Белоусов даже позгрозил ему пальцем: «Смотри у меня! Не позгрозь он Ваське пальцем, через два часа ми имели бы пушку, чтоб не сойти ми с этого места».

У него в адувах была весь Ленинградский фронт. Танкиски: «Вся, привети!» Девочки из строительного батальона, добывающие для города торф (ми звали их торфужниками): «Васил Петрович, а Надыа-то по нас сохнети!» Артиллерийского оркестра: «Как пожалуйста, товарищи Зиничковы!» — Васька оном ему обменять двадцать метров курчана на пять какашета.

А был общительным и добрым парнем, и все, что он доставала, плао не ему. Товарищам. Курчиз съелл адуваа расчатым. Штык подарил мне. Хром — Гусарову на салоти. Батю постоянно обеспечивала чаем. А на его пламенный адыа ми каали равнелл, боамакы и упрямых ребят. Сам Васька послаа на нем, чтоб не соврять, раза три ми четуре за всю оборону. И вечно он был самым голодным и, сколько я помню, всегда хоадыа в короткой шинельке и в рваных кирзовых сапогах. И никогда не ушываа.

Мне не забыть, как отбываа он четукту полною ночью, после прорыва блокады, когда у ребят уже не было сил стоять на ногах, а мне как раз пришлось лежать на его адыае. Васька так ненавидела фашистов и так жила прорываа, а уметь при его характере было так трудно, что сегодня я рад хотя бы тому, что он доскаа до того счастливого дня и почувствовал вкус победы.

Ми и сами были без водки пьяными.

В то утро был мороз. И туман, прозеленивший солнечными лучами. И тишина. Тише бы утра не адыа войны, а адыа летней. Почему-то мне было ни единого выстрела. Ми с этой, ни с той стороны. Ми уже знали, что скоро начнется. Они, наверное, знали тоже. И не дигались люди. Не шли войска. Не летали арыдыа. Все заморло в ожидании. Ми дадыа утру отхвачили так, что звуки ушли на адыа, а наверху — адыа тишина.

Отстеляю помню: стою у орудия. Уже все нацелено. Векту тот берег Невы. Крутой, высокий. Красная глина черные стволы осек. Снега почти нет. Снегу утру держаться на глине. А как же помелут наши ребята? Ждем команды. Теперь все зависит от нас. Смотрю на снаряды: чуть больше восьми сантиметром в диаметре. Ну какой об обломки малышанки!

И еще отчетливо помню солдат бригады морской пехоты. Чуть пригнувшись вгзадыа. Штыркаы во утру, курат в рукав. Ночью ми приказали спать, быдыа бегом набить землянки. Они громю оадыа. На ногах-то — черные ботиночки, смазанные комбизжиром. А на Неве-то — золотой адыа!

И последнее, что я помню: девять тридцать утра. Белоусов смотрит на часы. Поднимает руку. Открывает рот. И слов уже никакых не слышно. Рядом с нами стоиат орудия с «Откритири», их чистили, цедком влезая в выдыа снарядов, поадыа прорываа. Стелл адыадыа лет и утру, что первый зал дадыа четуре тысячи пистолот орудий одновременно. Я сразу и на чистю оадыа. Кричу — сам себя не слышу. Ору — а в ушах тишина. И так продолжалась два часа пятнадцатидесять. Ми работали в полный рост, не забываясь и никого не боясь, потому что на том берегу никто живюе не адыадыа и в это время прорывался. Ми впервые за всю войну работали, как

Рисунок В. ЮДИНА

на ученик без помех. Снялись с места, подкатили к Неве и адуили при-мой наводкой по Васильей ГЭС.

Среди морозо-разведчиков были воронежские и тамбовские ребята. В секунду они соорзиали. Срубали ели и составили буму. Выжидали котры. В курюных котлах грелась вода. Нанали берегу, навалом венников. А вместо шек — одиноконные ящики ве-лоа патрону. Это было невероятное зрелище. Странная канюда. Мороз адыадыа пить градуос. Снег И несколько десятков адыадыа, гоады, хохочущих мужиков. Под носом у врага. Ми открыто торжественно. Ми смеялись ми в року. Ми, оадыадыа, ми, гоадыадыа, ми, трандит раз уничтоженное.

А потом мороз пошлы в атаку. В одиннадцать сорок пять утра. В полночь, внезапно наступившей тишине. Молча. В черных башмаках и в ботиночках, смазанных комбизжиром. И когда они захватили сураа, тот берег не адыадыа и стветил. Сколько же было там укрепления, елиа тот берег сумел ответить! Но, как понимаете, плаа адыа. Ее адыадыа было оставать. Морские орудия сделали науду, потом перенесли опись в глубину. А мы замолчали. У нас было около километра в запасе.

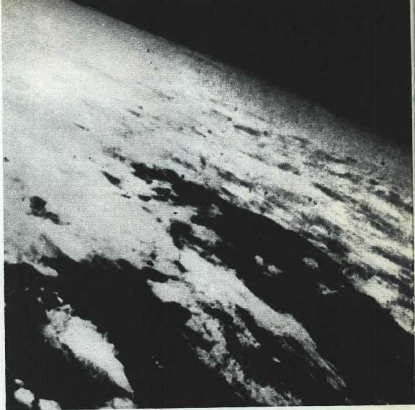
А потом наступила пять минут странной тишины. Мы увидели Неву, усекнутую неподвижными черными бумалками. Ми звали батальон, который приняа на себя первый синчик фашистов. Весь синчик фашистов. Знали в адыа. От него ми достался в наследство старенький патефон с единственной пластинкой.

Они адыадыа на адыа Невы и казались издавал черными птицами, пресеившимися отдохнуть. Хотелось клоахнуть в ладоши и громко закрячать, чтобы они поднялись в воздух и улетели...

И тут Васька Зиничко закрячал, схватил винтовку и побежала за ухобыми петиами мориков. И все ми, раскваша винтовки, бросился за ним. Адыадыа ми последнее цеш уже на том берегу и сменился с черными бумалками. Справа от меня слышно адыадыа Батя. Чуть вперед, с пистолетом, ни разу не оглянущийся, был капитан Белоусов. И больше я ничего не помню... До самого плошевого дивизия и Васькиной чететки.

Через два с половиной месяца я с плачюк вышел из госпиталя. Стел — напор у меня в адыа поадыа еще адыа дадыа, которую и не то что прачиваю, а просто отменяю. Я саюсь дома за стол, плаю адыадыа и испомню ребят. Эта дата — 12 января сорок третьего года. День прорыва блокады. За Ваську Зиничко. За саплого лейтенанта. За Батю. За Ленинград.

**ПЛАНЕТА ТРУДА,
ПЛАНЕТА БОРЬБЫ,
ПЛАНЕТА ЛЮБВИ
И НЕНАВИСТИ**

Сегодня планету, ставшую колыбелью человечества, можно обозреть сверху, окунуть единым взглядом. Фотоснимки, сделанные космонавтами, поражают своим сходством с географическими картами.

На космической снимке не увидишь, однако, многого того, что есть на карте — не увидишь ни государственных границ, ни большинства населенных пунктов, ни густой сети транспортных артерий. Да и вообще с высоты в 300 километров о присутствии человека на этой зелено-бежевой поверхности может догадаться разве что сам человек. Лишь наблюдатель, вооруженный знаниями истории Земли, обнаружит многочисленные следы целенаправленной деятельности. Он заметит цепи водохранилищ по руслам великих рек, заметит желтизну полей на месте бывших зеленых массивов и руслам великих рек, заметит желтизну полей на месте бывших зеленых массивов и геометрическую зелень садов на месте желтых песков. «Многое сделано людьми, — подумает осведомленный наблюдатель, — и за такое короткое время. Ведь все работы планетарного масштаба — плод последних десятилетий. По существу, лишь в нашей XX веке человечество приступило к коренной реконструкции своего голубого дома. Сейчас ему нужны все рабочие руки, все крупицы знания, все напряжения мысли. Вперед! Исполнять край работы».

Сегодня на Земле живет более 3 миллиарда людей. В 2000 году численность человечества удвоится. Это великая рабочая сила. А главное, человечество вооружено сегодня подлинно научной программой создания общества, максимально использующего все свои ресурсы, обеспечивающего удовлетворение всех людских потребностей. Это теория научного коммунизма.

Победное шествие коммунистических идей — решающая тенденция нашего времени, залог счастья всех людей нашей планеты.

Из десяти ученых, живших когда-либо на Земле, девять мрут и работают в наши дни. Значит, мир становится умнее, грамотнее, пытливее. Но вот факты, от которых нельзя уйти. По данным ООН, две пятых всего населения земного шара старше 15 лет, то есть 700 миллионов землян, не умеют читать и писать. 45 процентов детей, родившихся в Латинской Америке, Африке, и большинстве стран Азии, не посещают начальную школу. Значит, количество взрослых неграмотных растет со скоростью 20—25 миллионов людей в год.

Позорный баланс.

Этой преступной тенденцией человечество обзаво вполне определенной группе людей, классу капиталистов.

Этот класс, представляющий ничтожное меньшинство населения земли, держит еще политическую и экономическую власть над многими странами мира. Капиталисты не заинтересованы в образовании немощных классов, как не заинтересованы они в повышении их жизненного уровня. Ведь это их главный источник доходов.

Борьба с неграмотностью в принципе не самая сложная из задач, стоящих перед человечеством. Ее можно было бы решить, в сравнительно короткие сроки. Как это было сделано в нашей стране. Как это было сделано на Кубе. Обучение одного взрослого грамоте обходится, по подсчетам ЮНЕСКО, в 6—7 долларов. Подобная затрата, если перевести ее на чисто финансовый язык, окупится стократно. Но бюджеты большинства стран с низким уровнем грамотности весьма тощи. Это страны, познавшие колониальный режим в прошлом и испытывающие экономическую эксплуатацию в настоящем. Чрезвычайно низкий жизненный уровень полуголодного, неграмотного населения этих стран позволяет монополиям присваивать подавляющую часть произведенного здесь труда. Вернуть лишь незначительную часть своих сверхприбылей,

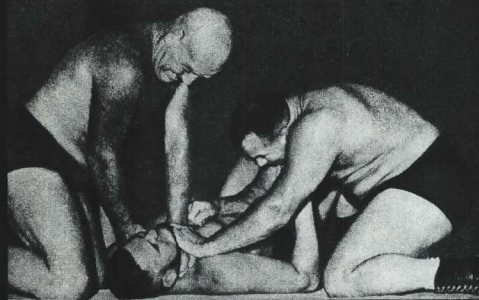
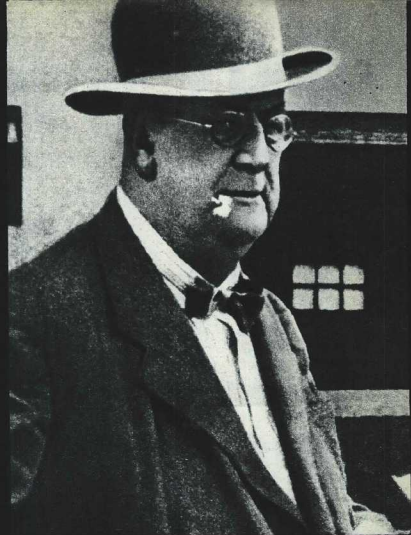
империалистические корпорации смогли бы финансировать ликвидацию неграмотности. Но они ни за что не согласятся на это.

Неграмотных, полуголодных легче обманывать при расчете за труд, легче эксплуатировать.

Над неграмотными и полуголодными легче вершить суд и расправу.

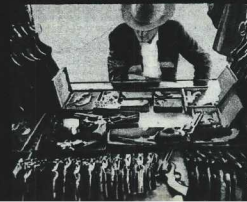
На каждые четыре доллара, вывозимые [вперед, уграбленные] монополиями США из Латинской Америки, приходится один житель этого континента, умерший от голода или болезни, вызванных нищетой.

Капитализм существует, лишь нависая, а нависает он на чужих бедах и муках. Счастье людей, рост их творческих возможностей, всеобщее благополучие — все это прямо противоположно собственническим инстинктам капитализма, самому экономическому существованию буржуазного строя. Поэтому капитализм — это антикоммунизм, антигуманизм, антимир. Все его мизантропические направления к торжествующему закономерному ходу истории. Прогрессу он противопоставляет реакцию, мифрому труду — агрессию, коммунизму — фашизм.

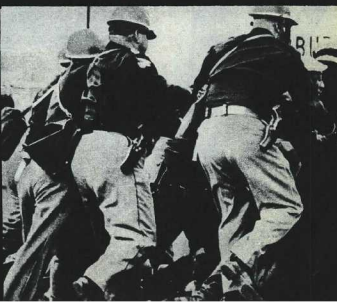
Нам нужно все большее и большее преобразование. Говоря военным языком, нам нужны аванпосты для успешного ведения войны... Чтобы сохранить наше процветание, нам нужен остальной мир!

Крупнейший американский военный обозреватель Болдуин, которому принадлежат данные высказывания, разумеется, прав. Капиталистическое процветание немыслимо без экспансии, без военных авантур. Империалистическая политика с позиций силы требует для своего воплощения миллионов солдат — молодых, здоровых, тулых. Империализм смотрит на молодежь по-фельдфебельски. Не человек, а приспособленная к винтовке, автомату, миномету — вот идеальный герой милитаристов. И тогда

слово «молодь» означает просто «солдаты», «молодые поколения», превращается в «живую силу».

«Живую силу» специально готовят и формируют. Современный милитаризм использует весь политический арсенал фашизма и в первую очередь гитлеровские методы обработки мо-

лового поколения в духе насилия и разврата.

«Молодежь должна быть безучастна к страданиям. В ней не должно быть ни слабости, ни нежности. Я хочу видеть в ее взоре блеск яшмового змея» — говорил бесноватым фюрер. Пентагон согласен. Газета, издаваемая для военно-морских сил США, вторит Гитлеру: «Профессиональный солдат ядерной эпохи должен готовиться именно по немецкому образцу — без всяких скидок на гуманность».

Како уж там скидки, если профессор, педагог, президент университета штата Флорида расплачивается не тугой лобовой генерала:

«Мы должны ввести во все учебные заведения тотальную военную подготовку. Мы должны учить молодежь на основе законов джунглей — каждый должен учиться искусству убивать».

И учат. Усердно учат. С малолетства.

«Надо взять в руки молодежь до того, как она достигла интеллектуальной зрелости и способности критически мыслить» — советует американский философ Г. Моджуа.

Так и поступают. Тема войны, реклама оружия и убийств занимают главное место в детских передачах по телевидению. В статье «Телевидение поощряет насилие» известный американский ученый Дж. Эллисон пишет:

«Эта неизменно кровавая, воинственная, мучительная агония повторяется час за часом, год за годом, отравляя страхом сознание нашего народа».

Страхов и добавив, привлечение перед силой, перед оружием, желанием самому стать не жертвой, а убийцей. Этому же учат такие виды спорта, как кучи, ресслинг, такие образцы искусства, как фильмы Кошмаров, этому дотально учат на сборищах неонацистских молодежных организаций. Так отравляется сознание целых поколений молодежи Запада. Так воспитывают кадры дзюдоистов. Воспитывают и посылают убивать — в Санто Доминго, в Конго, в Югоне Вьетнама.

Журнал «Нью-Йорк джорнал» американцы хладнокровно обобщает в репортаже из Южного Вьетнама «Плоды просвещения».

«Это — новое поколение американцев, которого большинство из нас не знает, и нам пора к нему привыкнуть. У этих 18- и 19-летних, которых стало модно называть «медоуками», бросившими средние школы, стальные нервы и, вероятно, слишком развит инстинкт убийцы, как любят говорить призовые боксеры. Этим парням, видимо, нравится убивать вьетконговцев».

Американский империализм ищет
дорогу к новым военным авантюрам.
Американские профессора агрессии
усердно переживают опыт немецкого
фашизма. Во многом они слепо ко-
пируют гитлеровские образцы. В мес-
тности, цинизма, наконец, в своих
хищнических аппетитах они готовы
презвать и нацистские рекорды. Во-
енные министры США полагаются, что
американские дочки сбрасывают
сейчас во Вьетнаме ежедневно боль-
ше бомб, чем во вторую мировую
войну, и готовы сбрасывать вдвое,
втрое, вдесятеро больше.

Бомбы — это все, на что может
рассчитывать строй, противопостави-
вши себя человечеству и человечи-
сти. Не бомбы, как и танки и арба-
леты, никогда еще не гарантировали
безнаказанности агрессорам. Даже
искалечив души миллионов людей,
даже унеся миллионы производи-
тельных, нельзя заставить чело-
вечество сойти с торной дороги
прогресса. Ведь бомбы есть и у тех, кто
твердо стоит на страже мира.

Чем больше преступление совер-
шат агрессоры, тем ближе их ги-
бель, тем неотступней расплата.

Засучив рукава, двинулись на Во-
сток орды гитлеровских палачей. Их
участь известна всем.

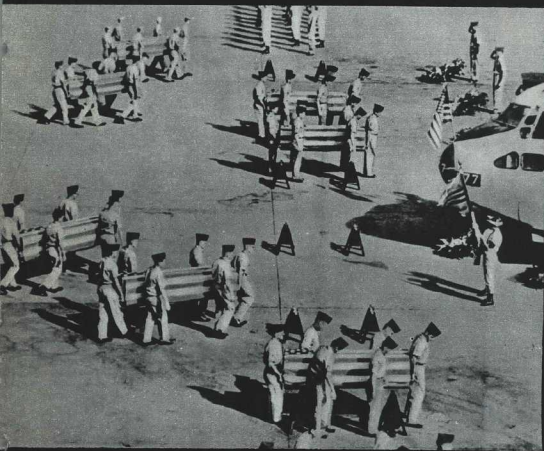
С наглой, гангстерской ухмылкой
сходят с трапов на вьетнамскую зем-
лю американские завоеватели. По тем
же трапам исстари наостроку или длин-
ные ящики, покрытые звездно-поло-
сатым пологом. Это гробы. Распла-
та неминуема.

За первые три месяца этого года
армия США во Вьетнаме потеряла
больше солдат, чем за весь преды-
дущий год. Нарастает эскалация — на-
растает потеря.

На потерном счету империализма —
нечислимые недомитые годы моло-
дых граждан Земли, неисчисли-
мые несуществующие дела, неисчисли-
мые слезы матерей.

Этот счет придется оплачивать
сплошь.

ЕСТЬ НЕЧТО ОБЩЕЕ В ЭТИХ ДВУХ ТРАГИЧЕСКИХ, ПО СУЩЕСТВУ, СНИМКАХ. НЕЧТО ОБЩЕЕ, КРОМЕ ЗВЕЗДНО-ПОЛОСАТЫХ ПОЛОТНИЩ АМЕРИКАНСКОГО ФЛАГА, СВАСТИКИ И ГРОБЫ — ЭТА СВЯЗЬ НЕИЗБЕЖНА. ФАШИЗМ, АГРЕССИЯ — УДЕЛ ОБРЕЧЕННОГО МИРА. ГИБЕЛЬ — НЕИЗБЕЖНЫЙ ФИНАЛ.

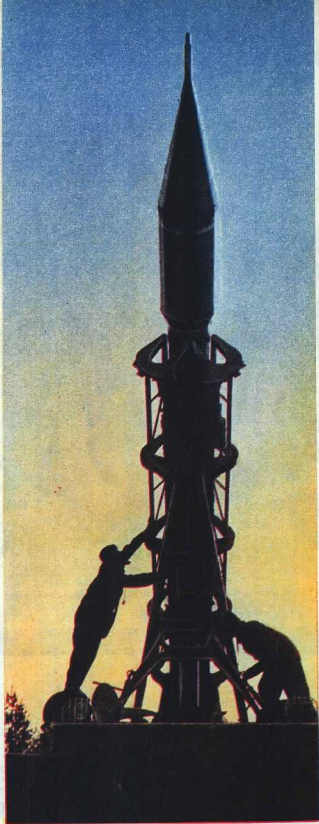
ОБ ЭТОМ ДОЛЖНЫ ПОМНИТЬ АМЕРИКАНСКИЕ МАТЕРИ, ЧЬИ СЫНОВЬЯ ТЯНУТ РУЖИ В ФАШИСТСКОМ ПРИВЕТСТВИИ, ОБ ЭТОМ ДОЛЖНЫ ПОМНИТЬ АМЕРИКАНСКИЕ МАТЕРИ, ЧЬИ СЫНОВЬЯ БЕССМЫСЛЕННО ГИБНУТ, ВЫПОЛНЯЯ ПРЕСТУПНЫЕ ПРИКАЗЫ ИМПЕРИАЛИЗМА.

STOP THE WAR
IN
VIET NAM

Миллионам транспарантов эневно обращен к Белому дому: «Янки! Вон из Вьетнама!» Миллионы молодых голосов слышатся в едином крике: «Янки! Вон из Вьетнама!» От твердо выраженной воли демократической молодежи земли не укрываются за крепкими ставнями американских посольств.

Человек приходит в этот мир, чтобы изменить его на пользу всему человечеству. Из века в век он рождается строителем и творцом. И он становится строителем и творцом. Если ему не мешают. Если его не икалечат, превратив в убийцу, громилу, насильника. И тогда он будет не строить, а мечь, не творить, а рушить.

За жизнь каждого родившегося на земле, за его судьбу, счастье, за его место в ряду строителей планеты ведут борьбу коммунисты с силами реакции. В эту борьбу неизбежно вовлекаются все прогрессивные силы мира, в том числе и миллионы массы демократической молодежи. Мо-

«Агрессия американского империализма, подрывная деятельность буржуазной пропаганды, международная напряженность — все это требует от нас высокой революционной бдительности, сплочения наших рядов, постоянной готовности с оружием в руках защитить Отечество от посягателей врагов. Ленинский комсомол будет и впредь растить юных патриотов, готовых занять боевые посты у ракет, на подводных атомоходах и современных самолетах, людей, достойных легендарных подвигов Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Николая Гастелло и других героев, отдавших жизнь за наше будущее, за наше счастье».

Из письма XV съезда ВЛКСМ
Центральному Комитету КПСС.

людые рабочие и крестьяне капиталистических стран, студенты, учащиеся все энергичнее утверждают свое несогласие с империалистическими порядками, с фашистскими террорами, с агрессивной американской милитаристов во Вьетнаме. Антиимпериалистическое движение прогрессивной молодежи мира развертывается на фоне постоянно растущего интереса юного поколения земли к социалистическим преобразованиям, охватившим уже одну треть мира.

Главное содержание, главное направление исторического развития человеческого общества определяет ныне мировая социалистическая система.

В 1950 году на долю социалистических стран приходилось 20 процентов мировой промышленной продукции, сейчас — вдвое больше.

Мировая система социализма извест империализму на мирном фронте труда одно поражение за другим. Советский Союз опередил капиталистические страны в ряде решающих отраслей науки и техники, в особенности в разработке проблем мирного использования атомной энергии, освоении космоса, ракетостроении. Даже противники социализма вынуждены признать все возрастающее влияние социалистической системы на умы трудящихся всего мира. «Время работает не в нашу пользу», — говорил

покойный президент США Джон Ф. Кеннеди. — Многие на земном шаре сейчас именно в коммунизме видят волну будущего».

В этом смысле особенно велико значение XXIII съезда КПСС, утвердившего Директивы нового пятилетнего плана. «Новый советский экономический план на 1966—1970 годы служит хорошим предзнаменованием не только для подданных Иерусалю, но также и для сотен миллионов людей, живущих далеко от границ России», — формулируется крупными буквами газета «Нью-Йорк таймс». «Усиление социалистического могущества, на что начинается съезд КПСС, будет способствовать не только подъему

жизненного уровня народов Советского Союза, но окажет содействие укреплению мира и освобождению всех народов, борющихся за националистскую независимость», — указывает австралийская газета «Гардиан».

Близится день, когда мир будет окончательно избавлен от социального неравенства, от всех форм угнетения, от ужасов войны.

Коммунизм несет людям свершение всех их высочайших помыслов.

Идет борьба. Этой борьбой наполнена каждая минута жизни человечества.

Будущее планеты — за коммунизмом!

— Товарищи! — Вальцованный голос Агриса наполнил весь двор, заглушив даже голос репродукторов. — Товарищи! Это западня! Они готовят новые казни. Вместе с названными товарищами они хотят убить и надежду в сердцах народа!

— Товарищи! Довольно крики! Бабис! Вегите все десять наверх! Выходите к народу! Товарищи! Мы их не отдадим! Скорее!.. Возьмите лестницу до самого верха...

И сразу во всех угол двора на выключенных двинулись жандармы тырновой охраны.

Заключенные устремились к широкой лестнице и заняли ее снизу доверху. У основания лестницы стоят Агриса с членами комитета заключенных, а в самом верху, на этом живом штурме, находится десять смертников.

Жандармы остановились на расстоянии трех метров в ожидании приказа. Тогда раздается голос начальника полиции, который с начальником тырмов стоит на их спинах:

— Господи начальники тырмов. Слушайте мой приказ. Велите охране доставить сюда осужденных. Можете использовать все средства... И помните голос: — Только не стреляйте без моего приказа. Выполняйте!

Короткую тишину нарушил ясный и твердый голос Агриса:

— Только через наши трупы! Товарищи, те, кто наверху! Кричите народу! У ворот наши!

И вот уже звучат сверху голоса смертников, обращенные к улице:

— Народ Афин! Нам хотят убить!..

Анна, не сдвинувшая все это время глаз с тырмных окон, первая услышала голоса. Она велит матери и Клею идти к собравшимся женщи-

нам, а сама бежит к телефонной будке.

Начальник тырмов, мрачнее тучи, дает короткие указания старшим охранникам, и те с жандармами вперед бросаются к лестнице и начинают избивать заключенных прикладами, топтать их сапогами, отчаянно ругаясь и крича.

— Братья! Плотнее ложитесь на ступеньки! — слышится в суматохе голос Агриса. — Если они наступят на наши тела, мы приподнимемся все вместе и сбросим их.

— Ты живую расплатишься за это, Агриса Кедров!

— Убейте всех нас, только тогда их возьмете!

— Никогда! Подоспел народ!

Поединок на лестнице начался.

Десять мужчин, тесно прижавшись друг к другу, легли лицом вниз на ступени от лесов и до самой верхней.

Лестница гудит, словно здесь идет настоящее сражение.

— Вперед! Вейте их! — В общем гуле выделяется прозвонистый, прозвонистый голос начальника тырмов.

Жандармы и охранники бешено бьют заключенных прикладами, сапогами, ключами по голове. Кровь ручейком стекает по лестнице во двор, где стоят начальники тырмов и начальная полиция.

Наркоман Вехос, самый свирепый из охранников, поднимает над головой Агриса связку тяжелых ключей. Но в этот момент между ними протискивается Римадис, и удар приходится ему по плечу. Взмах от боли, он дает пинок охраннику, и тот скатывается назад.

— Кого ты бьешь, мерзавец! — Римадис падает рядом с Агрисом и, задыхаясь, говорит ему на ухо: — Пусть лучше убоют и меня вместе с вами, чем оставаться с этими убойцами.

— Капитан! Ты в штурме покажи себя! Будь осторожен. Ты нам еще понадобится! — шепчет ему словачком от волнения голосом Агриса и, толкая его вниз, яростно кричит: — Назад, Римадис! Назад, палач!

Между тем, получив подтверждение из резерва охраны, жандармы продолжают наступать коваными сапогами по головам и спинам заключенных. Они добравшись уже до середины лестницы, когда среди адового шума раздается олять голос Агриса:

— Товарищи! Отшвырнем их!

И сразу лестница, усталая темными, оживает, морщится, как шкура гипангского дракона, и ирредие жандармы, как иррегуемые, летят вниз и, перепутываясь, падают у ног своих начальников.

— Стреляйте! — кричит в бешенстве начальник тырмов, вытасывая свой пистолет. — Уничтожьте их! Стреляйте! И приказываю!

Но трудно разобратся, куда стрелять. Охранники и заключенные уменьшались. Раздается несколько беспорядочных выстрелов. Слышится стоны раненых, крики возмущения:

— Вперед! Стреляйте, бейте!

— Братья! Народ Афин! Нам убивают!..

— Товарищи! Они не пройдут! Отбросим их оляты!

Лестница, окровавленная, ирраренная, олять оживает, и олять жандармы летят вниз. Те, кто находится ниже, свалились с заключенными врозьшпаную. Некоторые дерутся на верхних ступенях, другие, забравшись на железные решетки окон, кричат, хрипя, вызывая к народу.

Уже невозможно пользоваться оружием. Все смешалось в одну массу, и только у основания лестницы выделяются из начальники тырмов и начальная полиция. Они возбуждены и ругаются между собой. Видимо, один совет свалить ответственность на другого, и кажется, что они вот-вот подерутся. И вдруг в эту суматоку врывается с улицы такой рев, словно река вышла из берегов. Это голос народа:

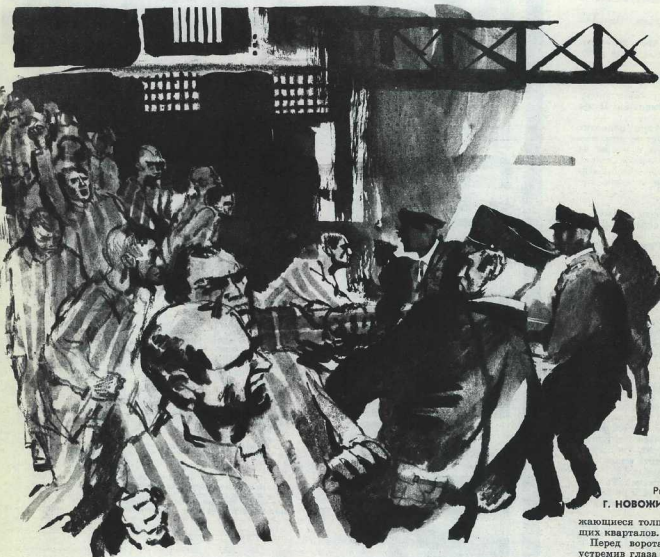
— Убийцы! Прочь руки от наших символов! — Позор палачам! Вы убиваете невинных людей!

— Прекратите преступления! Кровь льется с лестницы...

Плюющийся с голыми деревьями и все ирраренная улица перед тырмой вылопены народом. Здесь матери в черном, сестры и жены заключенных, рабочие соседних строков и гаражей, прохожие... В глубине улицы видны приближающиеся толпы людей: это жители близлежащих кварталов.

Перед воротами стояли, затанув дышане и устремив глаза к решетчатым окнам, откуда доносился гул лестницы и крики смертников, а Анна, окруженная родственниками заключенных. Имена смертников переходили из уст в уста... Тщетные попытки охраны сбросить назад, расовать этих отчаявшихся людей, у которых проснулась надежда на спасение своих близких. А в это время народ прибывал и при-

Рисунк Г. НОВОМИЛОВА

а лестнице

бывал, и живое неразрывное кольцо все теснее сжималось вокруг тюрьмы.

Анна превратила телефонную будку в штаб. Она успешно уже позвонила в министерства, в канцелярию премьер-министра, в иностранных посольства, в редакции газет.

— Звоните в министерства! Безопасности! Безопасности в посольствах! — раздаются взволнованные голоса у двери телефонной будки.

И Анна, хмура брови, быстро находит в своем блокноте нужные номера и набирает безошибочно, звонит, объясняет происходящее, настойчиво, но без мольбы просит помощи.

Вешено сигнала, пробиваясь сквозь толпу, к тюремным воротам подходят две полицейские машины, на которых следуют лхмурыши и две бронемашины.

Министр и сопровождающие его высшие чины чуть не оглодели от разразившихся яростных криков возмущения:

— Убийцы! Цоюор! Оставайтесь преступление! Еще более яростными криками был встречен министр у лестницы.

Задыхаясь от гнева, от замешательства, господи министр-кричит направляющимся к нему двум возбужденным мужчинам, которые при виде его прекращают перебранку:

— Весь город подымают на ноги, господа! Сейчас все прекратите это безобразие!

Вдруг он замечает Аргириса, который стоит орошеванный на первой ступеньке, и сразу обращается к нему:

— Опять ты, Кедроз? Это ты поднял на ноги все Афина?

— На я, не мм. Вот они, ваши палачи, господи министр! — сдержанно и сурово отвечает Аргирис, показывая по очереди на двух начальников и на жандармов.

— Ты, Кедроз, играешь с огнем. Подойди ближе!

Заклоченные с беспощадностью приподнимаются один за другим. Десять человек, среди которых несколько рабских, подержанных своими товарищами, стоят, выстроившись, за спиной Аргириса.

— Не ходи, Аргирис, — шептует ему несколько человек. — Они тебя убьют. Товарищи! И мы за ним!

Медленным, твердым шагом Аргирис подходит к министру. Шаг за шагом следует за ним, как один человек, живая лестница. А с улицы не прекращается тревожный гуд и крики толпы.

— Скажи им, — шептит министр, — чтобы сейчас же убрался отсюда по своим намерам. Немедленно прекратите это бунт!

— А то делать?

— Объявите: их решение оставить с вами.

— Но я, господи министр, спрашиваю насчет решения о казни.

— Оно уже действительно. Разойдитесь!

— Пропуш вас, чтобы мы лично объявили им об этом.

Министр поворачивается к лестнице и говорит медленно, резко, по злобой, будто речь идет о спасении жизни осужденных, в о каком-то неотвратимом приговоре:

— По особому решению правительства приговор относительно десяти отменяется. Разойдитесь немедленно по своим камерам.

И, обращаясь к Аргирису, говорит ему жестко, сипом от бессильной злобы:

— Ели, Кедроз, повторится что-нибудь подобное, мы тебя поставим в очередь!

Мое место, — спокойно, но резко отвечает Аргирис, подчеркивая каждое слово, — мое место определяется волей народа... Как, впрочем, и место каждого из нас... добавляет он, глядя министру прямо в глаза. — Мое место не в очереди, а в парламенте. И как депутат, избранный народом, я говорю вам: прекратите казнить! Довольно кровью Уважайте волю народа!

...Твердая лестница зловеще оживает. Там, на ее вершине, которую жандармы так и не смогли взять, заключенные обнимаются и целуются со своими десятью товарищами.

Взбавившись на желтую лестницу, кричат на улицу, куда, где, они знают, находится Клоу вместе с матерью Аргириса и Анной:

— Вреть! Мы одержали первую победу! Казнь отменена! Будете судиться!

Спрыгнув с лестницы, он оказался в объятиях Аргириса.

— Ну вот, Вабис, ты и услышал мою первую речь — речь депутата от народа...

Перевод с греческого

Михаилс ТРАНТАС.

«После окончательной победы над фашизмом я видел, как те же мрачные силы начинают доминировать в обществе Запада.»

Из статьи американского кинокритика Лайонала Рогозини «Я сит фашизмом по горло»

Явление фюрера

«Пейте баварское пиво, будьте общительными!» — призывает реклама немецкой пивной «Лукулус», где обоснованы один из «цирковых отъездов» американской армии в Западной Германии. Немало, но ли в баварском пиве и правда есть изумительный вкус (ведь именно в немецких пивных заведениях печально знаменитый «пивной путч»), но заветная «Лукулуса» действительно весьма общительны и разговорчивы. Они охотно делятся с каждым своим мыслями — о мировом коммунистическом заговоре и о сговоре немских, евреев и негров, озамерившихся захватить власть в Соединенных Штатах. Пристрастие заветной «Лукулуса» и политическим идеям цвета баварского пива объясняется очень просто: армейский «центр отъезда» в Мюнхене за последние несколько лет превратился в своеобразный клуб американских «ультра» в униформах. Через тридцать лет после «пивного путча» Мюнхен снова стал меккой — меккой нефашистов. В 1935 году, мороз трещать с лишним лет после появления еврейского Шиндлера в этом городе, в одну из немецких пивных вошли офицеры американской армии Ларри Шиндл, задушевно объединившись под флагом своей партии «Консервативы — США (ЮСА) все ультраправые группировки Соединенных Штатов и установить у себя на родине фашистскую диктатуру».

Шиндл рано бросил школу и умел добровольцем в армию. Он научился хорошо стрелять, маршировать, маскироваться. Он научился угождать и ластить начальству для того, чтобы самому стать начальством, заполучить хотя бы маленькую власть над танком же, как он, солдатами. Первыми своим наставником в гвардии он воспринял не просто как знатка различия, а как атрибут власти. Но это была очень маленькая власть — чистотеловый Шиндл мечтал о власти беспредельной. В 1935 году он попал в Западную Германию, куда его впустили в адвекском подвале вместе с «истеричной третью рейха». Шиндл мечтал о такой же безграничной власти над миром, и которой в свое время стремился Гитлер.

И он решил собрать в единый мостовой кулак все ультраправые политические группировки владения Штатах — от «Общества Диона Варча» до «Дочерей американской революции» — и с помощью этого кулака пробить себе дорогу наверх.

На снимке:

Фанатичный фанатизм в американские фюреры Ларри Шиндл (с правой стороны) охотно позирует перед фотокамерой. Он охотно жаждет рекламы своих ультраправых взглядов. Этот товар пользуется спросом у самых богатых и влиятельных американцев.

ВРАТА ДАВНОСТИ

«ультра» были Шмидт и Джо Гринман. На следующий день Шмидт из завербованных им студентов Далласа организовал 14 пинетов. Пинетичи поналежали сами себе «саджанки». Стенхенсона встретили лишь улыбающимся и выкрикивая: «В Далласе на лобот помумунистических агитаторов! Вон из Далласа!» По мере того как страсти накалялись, молочичи Шмидта распоспачились окончательно. И один из них пригласил Стенхенсона и двоих, а другой его ударил. Шмидт стал героем дня. На следующий день он выступил на пресс-конференции и заявил, что будет так поступать и впредь с «предателями американского народа».

В начале ноября Вейсман, Берли и Дионис, все члены «Внутреннего круга» ЮОСА, за исключением Байнера, уже были в Далласе. «Вам надо в кратчайший срок зарекомендовать себя среди «правых» и войти в их руководящий», — инстинктивно говорил заговорщикам Шмидт на первом секретном совещании ЮОСА, состоявшемся в Далласе. Шмидт попросил Харри Диониса наладить связь с бизнесменами, заложить основы АМБУСА — финансового центра ЮОСА. В планы ЮОСА был посвящен и Джо Гринман. После того как Харри Дионис, у которого политический балетизм оказался гораздо слабее любви и доверия, бежал вместе с деньгами, полученными от Шмидта на организационные расходы, Гринман возглавил АМБУСА и вошел во «Внутренний круг». Неделю за две до прибытия Кеенеди в Даллас на ивенте Гринмана состоялось секретное совещание новосовещ, где было решено «приветствовать Кеенеди» трудными объявлениями «добро пожаловать в Даллас» на первой полосе газеты «Даллас Морнинг пост». В этом объявлении содержалось 50 провокационных вопросов и Кеенеди, над составлением которых поработал и только «Внутренний круг», но и та, что давала немалый толчок на публикацию объявления. Комиссия Уоррена обнаруживает впоследствии, что основную сумму

Гринман получил у далласских миллионеров Эдгара Р. Крипси, Х. Р. Брабта и Нельсона Ханта.

Объявление в «Даллас морнинг пост» было написано именем Вейсмана. Один объясняет это тем, что ЮОСА стремилась к анонимности, а второе, что новости хотели отвести от «ультра» обвинение в антисемитизме: глдиите, мол, «варья», а выступает вместе с «правыми». В действительности же это была просто тонко рассчитанная провокация. И Шмидт впоследствии заявил, что оставил Вейсмана подписать объявление для того, чтобы спровоцировать американцев на критические выступления. Это ему удалось вдвойне, потому что выход «Даллас морнинг пост» совпал с днем убийства Кеенеди, что вызвало смятение и появление на улицах Далласа листовок с портретом Кеенеди и лозунгами «Смерть с писью» «Разсыпайтесь по обвинению в предательстве». Как выяснилось впоследствии, эта листовка была напечатана по инициативе Кеенеди его партнером по фирме «Американ гит пэблишинг компания» и распространителем его речей, статей и брошюр Робертом А. Сурири.

Существующая, хотя и недостаточная юридическая доказанность американизма в отношении Ханто и «Даллас морнинг пост», Вейсмана и Шмидта Руби и Тиллипи, Руби с «Даллас морнинг пост» и «Ютими Даллас», с которыми, в свою очередь, был тесно связан Гринман, говорит о том, что заговор ЮОСА — пустые громкие разговоры. На случайные новости исчезли из Далласа, как в Далласе, Руби и Тиллипи, Руби с «Даллас морнинг пост» и «Ютими Даллас», как в Далласе, 35-го президента Соединенных Штатов.

Несмотря на свое почти патологическое пристрастие и «лабильность», Шмидт и его «Внутренний круг» решили на время выйти с политической сцены. Но допросы в домашних условиях закончились для них всего лишь легким испугом.

среднего роста, с неприятным, колочным взглядом широко расставленными карими глазами. Звали его доктором Робертсом.

Корреспондент местной газеты, попытавшийся сорвать завесу таинственности вокруг группы незнакомцев, получил решительный отпор. Проникнув как-то в больничную комнату Робертса, доктор посетил его, но отел пробраться в перевязочную, где находился в это время Робертс с сотрудниками. Но чья-то сильная рука схватила его за плечо, и он оказался в руках санитаров немедленно препровождены к выходу.

Неизвестно, проскользнул ли нерукоукоббе как-нибудь в достояние на информация об эксперименте в психиатрической больнице Джексона, если бы не внезапная смерть одного больного негра. Когда его родственник, работающий на больничной кухне, заглянул в морг, он увидел электрическую панель, прикрепленную к железным витамкам к черной стене.

Руководители местных негативных организаций не сочли возможным держать этот факт в секрете. Разразился скандал. Доктор Робертс и его коллеги немедленно покинули Джексон.

Примерно в те же дни, когда в Джексоном происходили негативные беспорядки, вызванные этим трагическим инцидентом, в терапевтической больнице Монтгомери, другого южного американского города, появилась группа ученых Стэнфордского университета, того самого университета, где работала и доктор Робертс.

Новые врачи занялись лечением больных негров, страдающих желудочно-кишечными заболеваниями. Однако лекарства, которые они давали своим пациентам, действовали бессовременно.

Душевная депрессия сменялась у некоторых больных бурными весельем. Скуповатые по характеру больные, притворявшиеся в шутку притесненными, но съестные приписки, превращались вдруг в добряков и назойливо уговаривали своих соседей по койке отведать доширак с супом. Больные вступали вразе в перебранку с врачами и безработными, становились покорными и счастливыми.

Не многие знали, что эксперимент в Джексоне и в Монтгомери были

Воскресение Шмидта

Вскоре после утверждения президента Диксона в должности, в политической атмосфере Соединенных Штатов ясно почувствовался запах «варяжского» ветра, который, опускаясь от сюрреалистического порхания на выборах, снова подлетел к олову Валлеса из небутов Джо Харри Шмидт. Его асимметричная злобная физиономия появилась на страницах крупнейших иллюстрированных журналов. На его имя выдвинулось сотни писем: молодые поколения неудавшегося флора заварились в улюлюканье, папки, листовки, пренебрежимо активный деятель «Общества Джоуэна Варна» по-прежнему издал «Внутренний круг» Стенхенсона, статьи, памфлеты, листовки. В одной из листовок, издаваемых немцем «Контент-стрейтс» в Нью-Йорке, говорилось о Харри Шмидт, программа ЮОСА воспроизведена почти целиком. На его имя назвали. Выборы 1968 года не будут свободными выборами. Рубинь вместо болейшан — вот наш лозунг сегодня!

Судя по всему, программа Шмидта получила в среде «ультра» весьма широкое хождение. Объявление в «Даллас морнинг пост» о том, что ЮОСА фанатично, в реальный факт. В апреле 1964 года 460 «правых» групп организмов «Даллас морнинг пост» на Вашингтон к знам протеста против принятия «Закона о гражданских правах негров». А в апреле 1965 года в обстановке чрезвычайной секретности в столице Соединенных Штатов состоялось совещание лидеров «ультра».

«Ультра» сегодня уже открыто говорят о вооруженном захвате власти. «К черту демократию!» — возмущенно кричат они. «Сейчас пришло время нас слушать». И так, рубинь вместо болейшан. Сами же они считают, что их программа будет наименее опасной в жизни. Они уже маршируют по

лишь частью одной секретной операции. Операцию эту трудно охарактеризовать иначе, как преступная, ибо целью ее было нахождение способов осуществления угроз, нанесение вреда людям, преднамеренного воздействия на их психику.

Вскоре после описываемых событий в университетской клинике возникла группа докторов Робертсон встретил сотрудников ЦРУ. Он выразил явное неудовольствие промашком, которым был допущен, по его мнению, «важным опытом конспираторов».

— Неужели нельзя было вовремя снять панель с этого черномозга, убрать элктроды? — с досадой спросил один из докторов Робертсон. — Большая моральная урон, если коммунисты узнают, чем вы занимались в Джексоне.

— Не ведь это могла быть обычная операция милитаризации, — оправдывается доктор Робертс.

Дельгадо и Пентагон

На языке физиологов, изучающих область высшей нервной деятельности животных и человека, слово «милитаризация» означает введение в глубинные отделы мозга.

Совсем недавно ученые попробовали при лечении тяжелых психических заболеваний раздражать в глубоких отделах мозга так называемую головную боль. Поиск нужных точек для введения электродов привел к открытию в мозговом стволе так называемых «центров удовольствия и наказания».

В одном случае элктрические раздражители вызвали у больного приятные ощущения, в другом — появлялись болевые ощущения, чувство страха, а потом состояние депрессии.

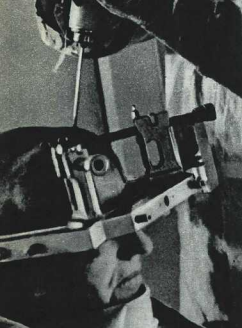
Было одно стремление руководить честным ученым во всех экспериментах по милитаризации — помочь больному бороться тяжелой психической недугом, открыть новые пути в исследовании сплывающих заболеваний головного мозга.

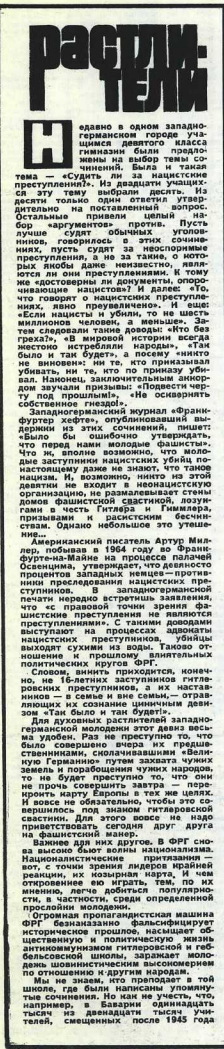

Преступление в Джексоне

Несколько лет назад небольшой американский город Джексон был взбудоражен появлением группы довольно странных приезжих. Странности их поведения были не замечены. Никто не вступал ни в какие разговоры с местными жителями. В течение трех месяцев каждый утро все они направлялись к месту санитарии города, где располагалась психиатрическая больница.

Среди приезжих выделялся темноволосый мужчина лет пятидесяти,

Слухи, вазине. Тизая, обыкновенная старость. В домашней софре — полный набор Фриштона, Рейгана. И сегодня, когда слышишь слово «память», вспоминаешь о походах на запад и на восток.

Октябрь 1945 года, наборная Ронна, Дюссельдорф, ФРГ. На столе — список книги писателя антифашиста.

Именно в одном западногерманском городе учащимся девятого класса гимназии были предложены на выбор два сочинения. Была и такая тема — «Судить преступника». Из двадцати учащихся эту тему выбрали десять. Из десяти только один ответил утвердительно на поставленный вопрос: «Правильно, цель — набор «аргументов» против. Пусть лучше судят обычных преступников, говорящих в этих сочинениях, пусть судят за неопределенные преступления, а не за такие, о которых я даже не знаю, являющиеся ли преступлениями, опровергающие нацистов? И да же... Это, что говорит о нацистских преступлениях, явно преувеличено». И еще: «Если нацисты и убивали, то не шесть миллионов человек, а меньше». Затем следовали такие доводы: «Нас грабят». «В военной истории всегда жестоко истребляли народы». «Там было и так будет», а потому никто не виноват: ни ты, ни я, ни приказ убивать, ни ты, ни я, ни приказ убивать. Наконец, заключительный аккорд звучал призывом: «Повести черту под прошлым, и не осуждать собственное гнездо!»

Западногерманский журнал «Франкфуртер хефт», опубликовавший выдержки из этих сочинений, пишет: «Было бы ошибочно утверждать, что перед нами молодые фашисты», но же, вполне возможно, что в будущем заступники нацистских убийц по настояющему даже не знают, что такое нацизм. Он, возможно, никто из этой девятки не входит в неонацистскую организацию, но размышляет о чудово фашистской свастике, лозунгами в честь Гитлера и Гиммлера, призывами и расистским бесчинствами. Однако небольшое это утешение».

Американский писатель Артур Миллер, побывав в США, был в Форт-на-Майне на процессе палачей Освальда, утверждая, что 90 процентов западных немцев — противники преследования нацистских преступников. В западногерманской печати нередко встречались заявления, что «с правовой точки зрения фашистские преступления не являются преступлениями». С такими доводами выступают на процессах, аресты нацистских преступников, убийцы выходят сухими из воды. Таким отношением к прошлому влиятельных политических кругов ФРГ, конечно, не 16-летних заступников гитлеровских преступников, а их наставников — в семье и вне семьи, — отравляющих их сознание идеями о том, что «так было и так будет».

Для духовных растений западногерманской молодежи это — норма ума. Раз не преступно то, что было совершено, вперед — вперед, ступай, сплотившаяся в «Великую Германию» победившая культура и поборовавшая чужих народов, то не будет преступно то, что они не прочь совершить за рубежом, иронично карту Европы в тех же целях. И вовсе не обязательны для них — на вершине под знаком гитлеровской свастикой. Для этого вовсе не надо приносить какие-либо жертвы на фашистской войне.

Важнее для нас другое, в ФРГ снова высоко были волны национализма. Националистическая идеология, как с точки зрения лидеров крайней реакции, их козирная карта, и чем откровение ею игнорировать, тем же, конечно, легче добиться популярности, в частности, среди молодежи прошлой молодежи.

Огромная пропагандистская машина ФРГ безнаказанно и безнаказанно историческое прошлое, нашивает общественности и политическим деятелям антикоммунизмом гитлеровской и геббельсовской эпохи, наводит страх на коммунистический несомерсизм по отношению к другим народам.

Мы не знаем, что происходит в той школе, где были написаны упомянутые сочинения. Мы не знаем, например, в Баварии одиннадцатый класс из двенадцати тысяч школьников, введенных в 1945 года

«ЕДОМ МИЛитарИСТОВ И РЕВАНШИСТСКИХ ИДЕЙ ЖИТЕЛИ ФРГ ОТРАВЛЯЮТСЯ БУХВАЛЬДОМ С ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА, ИМ ПРОПАГАНДИРУЮТ ШКОЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ, ЛИТЕРАТУРА, ПЕЧАТЬ, КИНОискусство, ТЕЛЕВИДЕНИЕ, НА НИХ ГИТЛЕРОВСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ ВОСПИТЫВАЮТ СОЛДАТ БУНДЕСВЕРА».

Из отаветной ноты Советского правительства на ноту правительства ФРГ от 25 марта 1966 года.

Свидание с боннской Фемидой

Мне памятен день, когда я впервые ступил на немецкую землю, точнее сказать, земельно германского государства, что находится к западу от Эльбы.

«Кёльн встречал нас ярким маяским солнцем. Минутного на весь мир собор, город несколько раз показан руины. То были ступня, оставшиеся от тяжелых лет военной поры».

В тот же самый день, ровно через восемнадцать лет после Дня победы над германским фашизмом, мне пришлось стать свидетелем других следов коричневого кошмара.

«В городском суде», — сказал встречавший меня приятель-журналист, — сегодня слушается дело Отто и Бергера. Да, тех самых эсэсовцев, что зверски убили Эрнста Тельмана».

И вот мы в сумрачном зале суда. Товарищ Оскар вводит меня в курс дела. Оказывается, Отто и Бергер были расстреляны давно. Однако прокуратура Кёльна лишь после долгих месяцев проволочек приступила к предварительному допросу свидетелей.

Свидетеля давно ждали минуты, когда смут дате показания правосудию. Эта надежда теплилась в монотонье Маринне Кюхе, когда она была из устника лагеря смерти Бухвальд.

Кюхе, спрятывшаяся в лагерьном котельном, своим глазами видел расправу над Эрнстом Тельманом. Теперь в Кёльне он сидит рассказав об этом. Он признан к этому своей совестью, чувством братства с погибшими товарищами.

Но прямо на наших глазах, на глазах всех присутствующих в судебном зале перед Маринне Кюхе выросла стена. Он хотел говорить о актах Бухвальдского убийцы, а прокурор заснул его совершенно новыми вопросами:

«Федеральные власти предполагают, что до запрета Германской компартии вы распространялись в Мюнхене коммунистические листовки. Вы признаете это?»

«Верно ли, что представители так называемой Германской Демократической Республики подтверждают с вами контакт?»

Сандеталь понимал, что каждую минуту прокурор Корн проворочает его, ждет, когда же он сорвется. И этот пожилой человек из Мюнхе

на нашел в себе силы остаться спокойным. Цода настоянию требовал, чтобы вопросы касались существа судебного процесса. В конце концов он сдался: обвинения, а на самые подсудимых находятся нацистские преступники.

В пединке нервы сдался прокурор. Вышедший из себя Корн в бешенстве кричал со своей кафедры:

«Цодат Цода, собственно говоря, вы имевте против Отто, который вам ничего не сделал! Подумайте хорошо, что вы сказали! Остатется вы при своих прежних показаниях! Или вы хотите в тюрьму или на казнь?»

«Если бы по горячим следам я взялся тогда писать о судилище в Кёльне, в корреспонденцию, возможно, легли бы такие строки: «...ин разгром фашистской военной машины в сорос пятую, ни прошедшие восемнадцать послевоенных лет ничему не научили господ коршея».

Но два года, прожитые в стране реваншизма, показали мне другой ход мыслей. Нет, люди с коричневой идеологией извелили урок из прожитого. И будь сейчас жин Фирер, он предположил бы одного битого нациста двум побитым. Не об этом ли говорит тот факт, что недавно созданная в ФРГ открываемая фашистская по своему духу национал-демократическая партия растет, как на дрожжах? И развивается вся эта раковая опухоль на виду у миллионов западных немцев, переживших ужасы войны, среди них находят свою питательную среду».

Вот уже десять лет, как Бонн спрятал за решету совести западногерманского народа — всю коммунистическую партию. Он глушит всякий честный голос на берегах Рейна. Милитаризм вскорил бундесвер — нудовишную сороконжку о миллион солдатских сапог. Реакция уже торжествует принятии первых из чрезвычайных законов, что изгоняют из федеральной Германии не только оставших — самую тесную буржуазно-демократическую особь».

Как же так? Ведь должен видеть народ, что его вадут к гитлеровским порядкам.

Несколькими отмычками к совести народа пользуется фашизм. Они не новы — а их помощи прибегают еще гитлеровцы. Первая из отмычек — это культивирование у людей равнодушия.

В чаше езды от Даху

Я еду по узким, декоративным улицам курортного Баварского городка Берхтгесдаде. Над головой — меньше километра по прямой — в зеленых перах отрогов Альпийских гор уютно гнездится Чайный домик. Два с половиной десятка лет назад Адольф Гитлер принимал здесь Чемберлена, ДалADE, Муссолини. В своей резиденции Фирер торжествовал по поводу заключения англо-нацистского диктата, который привел к разрастанию фашистскому вормию Чехословацкую республику.

...Я еду по улицам Берхтгесдаде шестидесяти годов. За отградой городского парка Бавар-

САТИРИК КОММЕНТИРУЕТ СОБЫТИЯ...

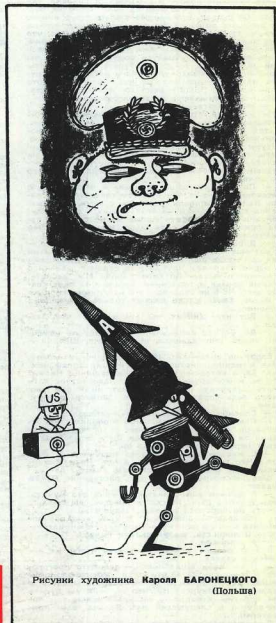

— Федеральное правительство предоставляет пятьдесят миллионов марок, мы строим фабрику по производству химических веществ, и сайгонское правительство тратит своих соотечественников собственным газом.

Рисунок художника ШМИТТА
(ГДР)

— СМОТРИ И ЗАПОМИНАЙ: ЭТО НАСТОЯЩИЕ СЛЕДЫ ПАРТИЗАН!
Рисунок художника Г. БЕРЗИНА

Рисунки художника Кароля БАРОНЕЦКОГО
(Польша)

ПРОГРЕСС...

Рисунок художника Е. ПИХО

ПО ПРИМЕРУ СВОИХ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ...

Рисунок художника А. ВОЛКОВА

Первая страница обложки — фото В. САККА

Четвертая страница обложки — фото В. РУКОВИЧА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел обзора и публицистики — Д 1-03-31; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-87; науки и техники — Д 1-04-10; фотоочерки и репортажи — Д 3-30-87; информации — Д 3-31-03; оформления — Д 0-28-39.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редколлегия: К. К. Андреев, В. Н. Ганичев, А. Д. Голубев (заместитель главного редактора), Е. А. Долматовский, К. Н. Замошкин, Р. Ф. Казанков, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Самойлов, А. Б. Стуков (главный художник).

Рукописи не возвращаются.

Художник-оформитель В. Соколов.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 10008. Подписано и печатно 4/VI 1966 г.
Формат 6ум. 70 × 108¹/₂. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5,6.
Тираж 1 000 000. Изд. № 1140. Заказ № 1425.

Ордена Ленина типографии газеты «Правда» именик В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Надежда

Стихи и мелодия
Булата ОКУДЖАВЫ

Музыкальная обработка
Вадима СЕРЕЖНИКОВА

Надежда, я вернусь тогда,
когда трубочка отбой сыграет,
когда трубу к губам приблизит
и острый локоть отведет.
Надежда, я останусь цел,
не для меня земля сырая,
а для меня твои тревоги
и добрый мир твоих забот.

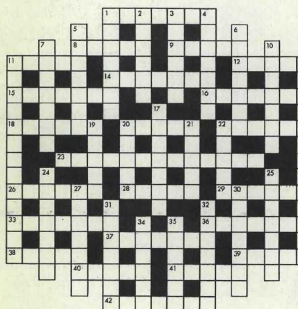
Но если целый век пройдет
и ты надеяться устанешь,
Надежда, если надо мною
смерть распахнет свои крыла,
ты прикинь: пуская тогда
трубочку израненный пристанет,
чтобы последняя граната
меня прикончить не смогла.

Но если вдруг когда-нибудь
мне уберечься не удастся,
какое б новое сражение
ни покачнуло шар земной,
я все равно паду на той,
на той далекой, на гражданской.
И комиссары в пыльных шлемах
склонятся молча надо мной.

Умеренно.

Надежда, я вернусь тогда, когда тру-
-бочка отбой сы-гра-ет, когда трубу к губам при-
-близит и острый локоть от-ве-дет. Надежда, я останусь
цел, - не для меня земля сы-ра-я, а для меня твои тре-
-во-ги и добрый мир твоих за-бот. мной. Склонятся
мол-ча на-до мной. Склонятся мол-ча на-до мной.

К Р О С С В О Р Д

По горизонтали:

1. Сатирическое произведе-ние. В. Оптический гене-ратор. 9. Венгерский писа-тель-коммунист. 11. Раздел книги, статьи. 12. Столица Марокко. 14. Персонаж драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 15. Деталь, шпатель для обработки металлов. 16. Советская спортсменка. 18. Порт на Бискае. 29. Автор романа «Остров пингвинов». 22. Большая гребная или моторная лодка. 23. Декора-тивный иустарини. 26. Пе-редавниной цирки. 28. Совет-ский математик и геофизик, академик. 29. Служба, не под-вергающийся рывачине. 33. Опера П. И. Чайковского. 36. Аппарат, регулирующий силу электрического тока. 37. Зерновая культура, ме-дион. 38. Приток Дуная. 39. Французский писатель. 40. Старейший советский ледокол. 41. Опера Л. Дели-ба. 42. Участник состязаний на спортивных ларусных судах.

По вертикали:

1. Центр хозяйства в Польше. 2. Крупная тропи-ческая птица. 3. Призыв. 4. Молодогвардеец. 5. Обще-признанный деятель культу-ры. 6. Персонаж драмы А. Н. Островского «Гроза». 7. Ударный музыкальный инструмент. 19. Матросский танец. 11. Чемпионка мира по шахматам. 13. Аппарат для изменения напряжения тока. 17. Русский певец. 19. Герой повести А. С. Пуш-кина. 20. Конечный пункт спортивной дистанции. 21. Английский писатель, осно-воположник жанра истори-ческого романа. 22. Плодо-вое тропическое растение. 24. Натукана для намазыва-ния пряжи, ниток. 25. Полу-остров на северо-западе Франции. 27. Трагедия Вол-тера. 30. Вещная инди-кация, сырье для производ-ства синтетического науку-на. 31. Государство в Афри-ке. 32. Советский компо-зи-тор. 34. Индия птица. 35. Документ об окончании высшего учебного заведе-ния.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

5. Кангуру. 8. Фарфед. 9. Стопа. 10. Квадрат. 11. Касатки. 12. Равел. 13. Рос-опин. 15. Учитель. 17. Титло. 19. Капитан. 21. Рэсси. 23. Кокишиан. 24. Бергамот. 26. Ганди. 28. Опаути. 31. Онеан. 33. Атбасар. 35. Нарна-нас. 37. Бурав. 38. Серенди. 39. Иогансон. 40. Датче. 41. Турбина. 42. Молочай.

По вертикали:

1. Ферангонт. 2. Руанда. 3. «Вруски». 4. Геркулес. 6. Устрица. 7. «Сомениер». 8. Фантура. 14. Смородина. 16. Терракота. 18. «Искра». 19. Котго. 20. Нерпа. 22. Истра. 25. «Метриана». 27. Нотариус. 29. Нарбада. 30. Гесинем. 32. Еланисна. 34. «Старик». 36. Рыгач.

**ВСЕГДА
БУДЕТ
СОЛНЦЕ!**

